А.В. ПОДОСИНОВ

КАРТОГРАФИЯ В ВИЗАНТИИ (К постановке вопроса)¹

Вынесенное в заголовок статьи название звучит несколько парадоксально: оно предполагает систематическое рассмотрение всей картографической продукции на протяжении более чем тысячелетней истории Византийского государства, периодизацию истории картографии, выделение школ, периодов, описание матерских по изготовлению карт, исследование иностранного влияния на картографическую теорию и практику, изучение творчества отдельных выдающихся картографов и т.д.

Парадокс заключается в том, что мы ничего этого сделать не можем, так как не располагаем почти никакими памятниками картографии византийского происхождения. Встает логичный вопрос — а были ли в Византии вообще картография?

В 1987 году в США вышел в свет 1-й том фундаментальной "Истории картографии", посвященный доисторической, древневосточной, античной и средневековой картографии Европы и Средиземноморья². На вопрос "Была ли в Византии картография?" это издание отвечает, по-видимому, положительно, так как содержит специальную главу под названием "Картография в Византийской империи" (с. 257–275), написал известный английский исследователь римской картографии Освальд Дилке.

Вместе с тем, византийская глава производит несколько странное впечатление³. Во-первых, не кажется бесспорным помещение главы в античном, а не в следующем, средневековом разделе⁴. Конечно, для этого были некоторые основания: во введении к древнегреческим главам указывается на непрерывность развития греческой цивилизации с минойской эры до падения Константинополя в XV в. (с. 130), и действительно, в отличие от западноевропейского варианта развития Восточноримская империя не знала резких разрывов в традиции политики, науки, литературы и т.д. Однако несомненно и то, что и Равеннская "Космография", которая анализируется в византийском разделе, и "Христианская топография" Космы Индикоплова, и мозаичные карты из Никополя и Мадабы отражают новый этап геокартографического осмысления мира, во многом определяемый христианским мировоззрением. На это указывает и автор раздела О. Дилке, сопоставляя византийскую линию с картографией средневекового Запада⁵.

¹ Статья является расширенным вариантом доклада, прочитанного на VIII Международном конгрессе византинистов (Москва, 8–15 августа 1991 г.).

² The History of Cartography. Chicago: London, 1987. Vol. 1: Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe / Ed. J.B. Harley, D. Woodward.

³ См. нашу с Л.С. Чекиным рецензию на это изд.: ВДИ. 1990. Т. 3. С. 205–216; то же см.: Imago mundi. L., 1991. Vol. 43.

⁴ Дилке прямо ставит византийскую цивилизацию в один ряд с "классическими". См.: The History of Cartography. P. 258.

⁵ Ibid. P. 261: "Это не случайно, что основные сохранившиеся карты — Космы Индикоплова и мозаичные карты Никополя и Мадабы — в такой же степени, как и позже *mappe mundi* Западной Европы, отразили наложение этих новых (христианских. — А.Л.) идей на античный фундамент. Эти карты можно понять только в религиозном контексте".

Вторая "странность" византийского раздела — его непропорционально малый объем — всего 17 страниц — по сравнению с древнегреческим (70 с.), римским (60 с.) или средневековым западноевропейским (более 200 с!). Более того, почти половина византийского раздела посвящена картам Птолемея в византийских рукописях "Географии", обнаруженной в XIII в. Максимом Планудом. Соглашаясь, что "новое открытие Птолемея может рассматриваться как плодотворный вклад византийской науки в длительное развитие картографии" (с. 272), можно тем не менее пожалеть, что проблемы, связанные с Птолемеем, обсуждаются и в древнегреческом, и в византийском разделах (иногда повторяясь), а собственно византийская проблематика обсуждается столь кратко — всего на 7–8 страницах (вспомним 200 страниц для западного средневековья).

Итак, что же входит в понятие "византийской картографии"? О. Дилке рассматривает собственно четыре памятника: "Космографию" Равеннского Анонима (ок. 700 г.), "Христианскую топографию" Космы Индикоплова с картами и две мозаичные карты — из Мадабы и Никополя (все VI в.). Если учесть, что первый памятник не содержит карты, написан на латинском языке в Равенне, и имеет, таким образом, отдаленное отношение к византийской картографии⁶, а мозаика из Никополя только с натяжкой может считаться картой, получается, что речь идет практически лишь о двух памятниках картографии — о космографических рисунках Космы и о карте Святой земли на мозаичном полу христианской церкви в Мадабе. Оба памятника достаточно подробно изучены в специальной литературе⁷, что избавляет нас от необходимости анализировать их здесь.

Для нас интереснее другое — почему на протяжении почти тысячи веков византийской истории мы почти ничего не знаем о существовании картографии, будь то практической (сухопутной или морской) или научно-теоретической. В затруднении находится и О. Дилке, называя этот факт "парадоксальным"⁸.

Возможно несколько объяснений такого "парадокса". Одно предполагает, что наше знакомство с византийской культурой и ее источниками пока слишком ограничено, со временем же мы сможем обнаружить, вероятно, больше следов картографической активности византийцев⁹. Второе объяснение гласит: византийцы, несмотря на всю преемственность своей науки и культуры от античной, действительно утратили навыки картографирования (считается, например, что иконоборчество могло существенно воспрепятствовать сохранности иконографических материалов, и в том числе карт)¹⁰.

На наш взгляд, возможно и третье объяснение, которое заключается в отрицании самого существования картографии в современном ее понимании не только в Византии, но и в античном греко-римском мире, для которого традиционно постулируется значительное развитие картографии. Если первые два объяснения лежат, что называется, на поверхности, то последнее нуждается в дополнительном методическом и фактическом рассмотрении.

Сразу необходимо сделать следующее замечание: большой объем античных разделов "Истории картографии" не должен вводить в заблуждение, так как и от Греции, и от Рима дошло не больше десятка артефактов, половина из которых к тому же сохранилась в средневековых копиях. Большая часть страниц в этих разделах посвящена изображению того историко-географического фона, в рамках которого должны были

⁶ Недаром авторы западноевропейского средневекового раздела снова и снова обращаются к этому памятнику. См. *Ibid.* P. 322, 348, 381.

⁷ См., например: *Wolska W.* La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes: Théologie et science au VIe siècle. P., 1962; *Avi-Yonah M.* The Madaba Mosaic Map. Jerusalem, 1954.

⁸ "It is paradoxical, however, that a literate society, heir to Greek and Roman learning, should have left so few traces of interest in mapping" (*The History of Cartography*. 1. P. 258). Также немного может сказать о византийской картографии "Oxford Dictionary of Byzantium" (См.: s.v. Cartography).

⁹ Так считают Дж. Кроун (*Crown G.* Maps and their Makers: An Introduction to the History of Cartography. L., 1953. P. 27), О.Р. Бородин (в кн.: *Культура Византии: IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 464*), О. Дилке (*The History of Cartography*. 1. P. 258).

¹⁰ *The History of Cartography*. 1. P. 258.

возникать картографические изображения. То же самое можно было бы сделать и в византийской главе: как показывают исследования¹¹, недостатка в таком фоне в византийской литературе не было, и только жаль, что в "Истории картографии" отсутствует его анализ. Конечно, глава сильно выросла бы в объеме, но при этом число памятников картографии едва ли увеличилось бы.

Представляется, что значение и роль картографии как в греко-римской античности, так и в наследовавшей ей Византии сильно завышаются современными исследователями, что по сути является модернизацией исторического процесса. Так, О.Р. Бородин пишет: "Непременной частью географической науки любого времени является картография. К сожалению, говорить о византийских раннесредневековых картах мира мы можем в основном в гипотетическом плане, так как до нас не дошло ни одного бесспорного их образца"¹². Логика здесь такова: это должно быть, а если этого нет, то просто не смогло сохраниться, мы же должны предполагать, что это было.

А разве не проще и логичнее было бы предположить, что отсутствие сохранившихся картографических артефактов свидетельствует об отсутствии самой картографической деятельности или, по крайней мере, о ее слабости? Именно этот тезис я и хотел бы здесь более внимательно рассмотреть.

Дело в том, что в последнее десятилетие стали появляться работы, в которых ставится под сомнение "картографичность" античного восприятия пространства, а следовательно и степень распространения и практического использования карт в обществе¹³. Вечное для истории географии противопоставление текста и карты, литературного изложения маршрута и его графического рисунка, лоции и морской карты являло в античности несомненное превосходство и первенство текста над картой, непосредственно-чувственного восприятия пространства над его абстрактно-картографическим изображением. Принципиально антикартографическое, годологическое (по терминологии Пьетро Янни), или хорографическое (по нашей терминологии) пространственное восприятие не способствовало развитию картографической продукции, которая или замыкалась в кабинетах ученых (ср. Эратосфена, Марина Тирского, Птолемея), или ограничивалась религиозно-сакральной и пропагандистско-дидактической функциями (ср. средневековые западноевропейские *mapae mundi*).

Человек ориентировался в пространстве не по карте, а предпочитал вербальное описание пространственных отношений, хорошо нам знакомое по таким литературным жанрам, как перипл, период, перизгеса, итинерарий и т.д. Достаточно указать на те большие сомнения, которые вызывает у исследователей вопрос о том, начертил ли Птолемей сам те карты, построение которых он описывает, чтобы не пытаться каждому географу античности приписать создание географических карт.

Надо заметить, что модернистский взгляд на античную картографию оказался свойствен и авторам американской "Истории картографии", где многократно прокламировалась большая роль карты в жизни античного (и особенно римского) общества¹⁴.

¹¹ См., например, работы О.Р. Бородина в кн.: Культура Византии: IV – первая половина VII в. М., 1984, С. 432–466; Культура Византии: Вторая половина VII–XII в. М., 1989. С. 345–365; Культура Византии: XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 376–394.

¹² Культура Византии: IV – первая половина VII в. С. 460. Ср. его же в: "Культура Византии: Вторая половина VII–XII в.". С. 359: "Картография средневизантийской эпохи почти не исследована. Однако в распоряжении историков все же имеется ряд свидетельств, показывающих, что и в этот период картографическая традиция в Восточной империи не прерывалась." В последней книге этой серии в разделе "Развитие географии в поздней Византии" О.Р. Бородин называет только один "выдающийся памятник византийской картографии" – карты к "Географии" Птолемея. См.: Культура Византии: XIII – первая половина XV. С. 380.

¹³ Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45; Он же. Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. № 1. С. 147–166; Janni P. La mappa e il periplo: Cartografia antica e spazio ogologico. Roma, 1984.

¹⁴ The History of Cartography. P. 105, 138–139, 201, 252–256.

При этом речь идет не только о несомненном существовании планов зданий или земельных наделов, но и о широком использовании карт, якобы пригодных для навигации и служащих картографическими аналогами периплам, а также дорожных карт, с которыми можно было путешествовать по суше и вести военные действия. Согласимся, что подобное использование карт предполагает статус картографического способа коммуникации о пространстве, близкий современному.

В нашей рецензии в *Imago mundi* мы попытались уже показать несостоятельность и противоречивость такого рода суждений. Так, в конце римской главы "Истории картографии" помещен специальный итоговый раздел об использовании карт в римском обществе¹⁵. Два параграфа в нем посвящены "картам как стратегическому документу" и "картам для путешествий". Однако то, что мы узнаем из этих параграфов, по сути дела противоречит тому, *quod erat demonstrandum*.

Из первого параграфа мы узнаем, что, оказывается, капитаны кораблей пользовались литературными (!) периплами, а не картами, свидетельство об использовании карт в военном деле всего одно (Вегеция), да и то говорит о преобладании литературных итинерариев над рисованными, т.е. картами; далее о Цезаре и Агриппе высказываются предположение, что они могли, наряду с письменными итинерариями и периплами, использовать и карты, правда, никаких подтверждений этому в источниках не имеется. Плиний дважды сообщает о картах, составленных во время экспедиций, причем в одном случае О. Дилке сам не уверен, что речь идет именно о карте. Все, что следует дальше, на наш взгляд, не имеет никакого отношения к военным картам (это поэтические свидетельства Овидия и Проперция, а также Плутарха и Светония о картах мира наподобие средневековых *mappe mundi*, воевать по которым – всякий, кто их себе представляет, согласится – было не очень-то удобно).

В параграфе о картах для путешествий сам Дилке признается, что в основном в этих целях использовались литературные итинерарии, поэтому его вывод в конце раздела (с. 256) о том, что во времена Цезаря и Августа широкие слои римского общества активно использовали карты в практических целях – для путешествий и в военном деле – звучит несколько неожиданно и совсем не следует из представленных автором фактов.

В самом деле, среди дошедших до нас античных карт нет ни одной, которая могла бы служить инструментом для практического ориентирования на местности (даже Певтингерова карта представляет собой чисто схематичный набросок путей, пользоваться которым для нужд путешествия невозможно¹⁶). О существовании большинства карт мы знаем из литературных источников, но и здесь мы не встречаем почти никаких свидетельств такого практического использования карт¹⁷, а ведь мы имеем дело с огромным количеством античных описаний военных походов, плаваний, экспедиций

¹⁵ Ibid. P. 252–266.

¹⁶ Ср.: *Kubitschek W. Itinerarstudien. Wien, 1919. S. 27.*

¹⁷ Если грубо разделить всю картографическую продукцию на три типа: научно-теоретическую, практическую и религиозно-дидактическую (космологическую) и под последней понимать карты, изображающие Землю как круглый диск, окруженный Океаном, и имеющие своим центром пуп Земли – святыню данной культуры, то, на наш взгляд, большинство аллюзий на карты в литературных источниках античности и средневековья имеет в виду именно этот третий тип. Если первые два типа элитарны и специальные, служат и понятны только специалистам, то третий тип связан с дидактикой, просвещением, религией, пропагандой, иллюстративностью, декоративностью и т.д. (часто в одной карте соединены все эти функции) и представляет собой всем понятный, распространенный в обществе, часто примитивный образ Земли. Такие карты были всегда, в отличие от первых двух типов, один из которых (практический) отсутствовал как в античности, так и в раннем средневековье на западе и в Византии, другой (научный тип) – в раннем средневековье. В этом смысле преемственность средневековых *mappe mundi* от античных карт такого же типа кажется нам весьма вероятной, о чем говорит и вывод издателей 1-го тома "The History of Cartography": несмотря на прогрессивную линию усовершенствования формы карты в соответствии с научными уточнениями размеров ойкумены (от круглых и квадратных к прямоугольным) в Греции, идея круглой карты благополучно дожила до средних веков (P. 505).

и т.д., включая дневники, мемуары и другие документы, подробно информирующие нас о способах передвижения и ориентации в географическом пространстве.

При всей ущербности такого рода аргументов "ex silentio" это умалчивание, конечно, не случайно, о чем свидетельствует противоположный опыт Китая: начиная с IV в. до н.э. до XIV в. н.э. до нас дошло более 200 карт разного практического предназначения¹⁸. Соответственно этому и вся китайская литература с древнейших времен переполнена данными о широком и регулярном практическом употреблении карт в военно-административной сфере; более того, наличие или неимение карты местности, где велись военные действия, часто являлось ключом к победе того или иного полководца или императора¹⁹. На этом фоне молчание античных источников кажется весьма красноречивым!

Возникает законный вопрос: каким же образом путешествовали в античности, что служило инструментом ориентирования на суше и на море?

Прежде всего сошлемся на автора другого раздела тома Т. Кэмпбелла, который, обсуждая проблему практического плавания в Средиземном море до появления морских карт, заключает, что навигация тогда зависела почти исключительно от опыта капитана, имеющего ментальную карту тех местностей, в которые он много раз плывал (с. 386–387). Такой опыт, приобретающийся и передававшийся из поколения в поколение в семьях и кланах моряков, несомненно, мог служить достаточной базой для осуществления навигации²⁰.

Далее, надежным и удобным справочником для путешественников на протяжении многих веков, если не тысячелетий, были упоминавшиеся выше периплы и итинерарии, описывавшие путь в вербальной форме (ср. средневековые текстовые портоланы, поздние лоции)²¹. Сохранившиеся периплы и итинерарии, судя по первичной эгоцентрической, т.е. принципиально некартографической системе ориентации, отраженной в них, не свидетельствуют о развитии картографического сознания их авторов²².

Такого же рода литература имела в большом числе и в византийский период: вспомним епископские нотции, 'Οδοπορία' από'Εβέμ, "Синекдем" Иерокла, "Стадиодромикон" (перипл от Константинополя до Крита в трактате Константина Багрянородного "О церемониях византийского двора"), итинерарии пилигриммов в Святую землю, перипл Черного моря Псевдо-Арриана, лоции типа западноевропейских портоланов

¹⁸ См.: An Atlas of Ancient Maps in China: From the Warring States Period to the Yuan Dynasty. (476 B.C.–A.D. 1368). Beijing, 1990.

¹⁹ См.: Lexikon zur Geschichte der Kartographie von den Anfängen bis zum Ersten Weltkrieg. Wien, 1986. Bd. 1. S. 138–139.

²⁰ Ср. того же Т.Кэмпбелла: "Способность успешно плавать вдоль берегов и поперек Средиземного и Черного морей не обязательно должна сопровождаться склонностью или умением запечатлеть свой опыт в форме карты" (The History of Cartography. Vol. 1. P. 387).

²¹ Одним из свидетельств этому может служить не учтенная в "Истории картографии" эпиграмма Кринагора из Митилены (Лесбос), написанная около 26 года до н.э., когда автор собирался отправиться с посольством в Рим:

*"Плыть снаряжаюсь в Италию: я ведь к товарищам еду, –
Долгое время уже с ними я был разделен.
Нужен для плавания мне проводник, чтобы прямо к Кикладским;
Вел островам, а потом в древнюю Схерию вел.
О помощи мне, Менипп, написавший о плавании книгу.
Ведь географию всю ты в совершенстве постиг".*

(Anthol. Palat. IX, 559, пер. Ю.С. Шульца)

Речь идет о "Перипле внутреннего моря" (Περίπλους τῆς ἐντὸς θαλάττης) в трех книгах, написанном географом из Пергамона Мениппом между 36 и 26 гг. до н.э. Если последние строки эпиграммы – не просто риторика, но имеют какой-нибудь реальный навигационный смысл, то они скорее свидетельствуют в пользу того, что плавание осуществлялось с помощью литературных периплов, а не карт.

²² См.: Miller K. Itineraria Romana. Stuttgart, 1916. S. LIV ff.; Bagrow L. History of Cartography. Cambridge; L., 1964. P. 61–62; Nordenskiöld A.E. Periplus: An Essay on the Early History of Charts and Sailing-Directions. Stockholm, 1897. P. 3; Подосинов А.В. Картографический принцип, С. 22–45.

и т.д. (вся эта литература обстоятельно и компетентно описана О.Р. Бородиным в трех томах "Культуры Византии").

В этом свете, так ли уж велик "парадокс" с византийской картографией, формулируемый О. Дилке следующим образом: образованное византийское общество, наследовавшее греческой и римской цивилизациям, имевшее те же, что и Римская империя, нужды в управлении, военных завоеваниях и подавлении врагов, пропаганде, земельном обустройстве и общественных работах, и вдруг — почти никаких следов интереса к картам!²³ Думается, представленные выше предварительные соображения могут если не полностью снять этот парадокс, то несколько смягчить его остроту, перенеся его из области истории в область историографии.

²³ The History of Cartography. Vol. 1. P. 258, 279. Кстати, что касается карт типа западноевропейских *mappe mundi*, не имеющих практического значения, то их существование в византийской культуре вполне вероятно. Собственно, карта мира Космы Индикоплова — это типологически та же *mappe mundi*, хотя и несколько необычной формы. Кроме того, о существовании подобных карт косвенно свидетельствуют не учтенные О. Дилке и О.Р. Бородиным карты, созданные на периферии Византийской империи, но под явным влиянием византийцев. Мы имеем в виду армянскую карту мира XIII–XIV вв., хранящуюся в Матенадаране. Это круглая трехчастная карта Т–О типа с восточной ориентацией. См.: *Ованнисян О.* Армянская рукописная карта мира (XIII–XIV вв.) // Научные труды Ереванского государственного университета. Т. 43. Сер. географических наук. Вып. 1. 1954. С. 81–92. (На арм. яз. с русским резюме); карта публикуется также в нашей рецензии в "Imago mundi". Следует указать и на болгарскую карту мира из Богишичева (Висарионова) сборника (XVI в.), иллюстрировавшую географический труд Константина Костенечского (XV в.), условно названный исследователями "Отломки по космография и география". Карта круглая, с Иерусалимом в центре и океаном вокруг земли, ориентирована на восток и, хотя имеет много отличий от Т–О-образных карт мира Западной Европы, несомненно принадлежит к типу *mappe mundi*. Византийское происхождение оригинала этой карты можно предполагать, исходя из наличия на карте в некоторых случаях греческих вариантов лемм, а также из характера самого сборника, содержащего переводы византийских географических и космологических текстов (в основном Симеона Сифа и Михаила Пселла); см. подробнее: *Чолова Ц.* Естественнонаучные знания в Болгария. С., 1988. С. 31–33, 250–251 и ил. 10.